

Частный разговор

Вячеслав Пьецух — преуспевающий быне писатель.

Его произведения выходили и до 1985 года, только с момента сдачи до момента публикации проходило много времени.

Теперь написанное им «идет с колес». Он начал писать в 28 лет, словно пережитое вдруг спохватилось и захотело быть узанным и признанным.

Все пригодилось: как точил карандаши в полуподвальной конторе, занимавшей научной организацией труда, работа в школе, на радио, литературным консультантом в журнале «Сельская молодежь».

Название одной из последних книг «Я и прочие» в большой степени отражает жизненное отношение Вячеслава Пьецуха.

Фото

С. Шахиджаняна.

10

— Вячеслав Алексеевич, вы по образованию историк. В педагогическом институте занимались историей России?

— Я занимался Иисусом Христом. Два последних года на спецсеминаре это была моя тема. Я обратился только к первоисточникам, не читал массы монографий, исследований, где уже все было растолковано, изучено. Написал диплом, получил свою «трешку». Мне казалось, что Иисус Христос — абсолютно историческая фигура, что доказывается тем-то и тем-то. Если это и имеет отношение к моей литературной работе, то только к текущей, которую я сейчас пишу.

— А чем сейчас занят ваш ум?

— Сочиняю работу, идею которой мне подсказала «Литературная газета». Они решили выпустить серию очерков под названием «Скрижали»: десять заповедей, переданных Богом через Моисея. Каждому литератору дают по одной заповеди. Я написал вторую: не сотвори себе кумира, — и у меня родилась идея, занятая, затейная идея — сочинить вещь по всем остальным заповедям, но только не Моисея, заповеди которого мне не так близки, как заповеди Иисуса Христа. Поставить вопрос так: «Нагорная проповедь и Россия». И вот я сижу уже над третьей заповедью.

— Вы как историк проводите для себя какие-то параллели между тем, что уже происходило в нашей стране, и тем, что сейчас творится? Каковы ваши наблюдения за днем сегодняшним?

— У меня есть целых три романа, три исторических романа, посредством которых я и пытаюсь ответить на ваш вопрос.

Какая-то цикличность, безусловно, существует, для понимания этого даже не нужно особенных исследований, напряжения ума, потому что есть константы в националь-

ном характере, которые определяют течение обстоятельств, расстановку сил. Поэтому, естественно, на иных уровнях, более высоких или низких, все повторяется.

Что касается безобразий и воровства, это испокон веков. Миллион примеров, взять хотя бы знаменитую «медную реформу», которая произошла в первые годы царствования Алексея Михайловича (Тишайшего). Гениальная идея: он

— Происходящее не мешает вам заниматься своим делом?

— Совершенно. Я настолько легкомысленный, что даже не разделяю апокалиптические настроения моих соотечественников. Не жду гражданской войны, голода... Будет и будет, слава Богу, не в первый раз, думаю, и не в последний.

Пришла ко мне как-то моя прабабушка и рассказала, как они жи-

ли в 1918 году. Она с 1906 года, до сих пор ходит пешком по городу, боится транспорта с того времени, как проложили в Москве трамвай. И вот она рассказала, какой хлеб давали, сколько, почему... Живая история сидела передо мной и говорила: ничего, пережили, нация куда не делась.

Я ужасно далек от политики, не понимаю ее, боюсь и откровенно презираю. Очень занят литера-

Вячеслав ПЬЕЦУХ:

«Я разучился ненавидеть»

решил ввести ассигнации. Нигде в мире их еще не было. И он ввел медные деньги, которые играли роль серебряных. Тот царский министр, который отвечал за проведение реформы, взял и скупил огромное количество меди, сам отчеканил монеты и запустил на рынок, ничем не обеспечив. Немедленно произошла дикая инфляция, и рухнула экономика страны. Не переживаем ли нечто похожее?

— Сознание того, что подобное уже происходило, вам помогает жить?

— Это для меня вопрос номер 27 и переживания номер 27.

— Почему именно 27?

— У меня просто идиома такая — идиотизм со студенческих времен... Я легкомысленно отношусь к нашим трагикомедиям исторического порядка. Возможно, вы правы, именно потому, что знаю, это было и будет. Но это знал еще Екклесиаст, который писал, что ничего нет нового под луной, а сплошная суета сует...

турой, совсем у меня другие мысли, поэтому мне сейчас ни до чего. Да и семья у меня идеальная, устраивает меня эдакую Китайскую стену, отгораживающую от жизни: я не знаю, что сколько стоит, где платят за квартиру... Живу в башне из слоновой кости и очень хорошо себя чувствую.

У моего отца есть загородный домик, там можно сажать картошку. Если бы я был человек практичный, так бы и сделал. Гектар земли! Правда, половину участка занимает огромный ангар, где стоят два самолета в разобранном виде. Отец в прошлом довольно крупный изобретатель летательных аппаратов. Вышел на пенсию и от нечего делать построил себе самолеты. Летал на них вокруг дачи, поставив на гидролыжи, взлетал с поверхности водохранилища и туда же садился. Его быстро засекли, были неприятности.

А картошку, видимо, придется посадить. Пригодится.

— Вячеслав Алексеевич, в сту-

денческие годы вы тоже держались вдали от политики?

— Наш институт был ленинский педагогический певческий гитарный. Я до четвертого курса ходил, держа в левой руке портфель, в правой — гитару. Но учились мы пристойно. Во всяком случае, предметами, непосредственно связанными с будущей профессией, занимались достаточно настойчиво и прилежно. Жизнь была веселая, легкомыс-

но — быть писателем, сочинять сказки, только стыдно — не мужское занятие. Мужчина должен летать на бомбардировщике, добывать уголь... Тем не менее я начал писать уже в восемь лет: взял тонкую тетрадку, написал на обложке «книга» и стал что-то сочинять. А потом это желание вдруг надолго ушло. И прорезалось двадцать лет спустя.

Потому что в студенческие годы

влекательность и интерес, у меня уже была опора, с помощью которой я приступил непосредственно к мужскому занятию — труду.

— Вам хватает денег?

— Вопрос денег отпал. Но я себя не чувствую ни более счастливым, ни более свободным. В студенческие годы, в конце 60-х, денег было мало, но тогда все было невероятно дешево. Когда я еще не был женат, мы пьянствовали

и еще в развитии, в становлении. Я для себя открыл, что такое христианство. Именно — для себя. Поэтому передо мной раскинулись совершенно новые широкие горизонты для дальнейшего движения в сторону совершенства. Ближе к зрелости у меня ушла способность к вражде. Уже не способен кого-то ненавидеть. Не симпатизировать способен, а ненавидеть разучился. Надеюсь, что буду идти все дальше и дальше по этому пути.

Начал себя контролировать. Что-то вдруг вызовет взрыв бешеной ненависти, например, очереди, выражения лиц, абсолютно покорные, будто рабские. Наша российская покорность рождает во мне негодование. Но я говорю себе: парень, ты покушаешься на звание христианина, а позволяешь такие небогоугодные движения души...

Если вы имеете в виду профессиональный аспект, то я, безусловно, считаю себя состоявшимся, потому что начинало нас, к примеру, двести человек, а к финишу пришло, допустим, трое. Причем двое лишут, не имея за это ничего, ни денег, ни известности, а у меня все это есть. Другое дело, что не радуется. Бываю, конечно, минуты эдакого квазисчастья: смотри, парень, ты всех обошел! Это хорошо, по-мужски. Мужик тем и отличается, что умеет поставить перед собой выполнимую задачу и ее решить. В этом отношении, в техническом плане, я состоялся. Говорю только о внешней стороне дела. А ценить качественные стороны, то есть действительную стоимость того, что сочиняю, моего труда, я не в состоянии. Я к этому не плохо отношусь, но и не хорошо. Ни в ту, ни в другую сторону еще не склонился, не сочтите, что кокетничаю.

28 рублей стипендии получал. На пятом курсе прибавили — стало 32. И совсем не томило меня это. Не было денежной проблемы. Наверное, потому, что была всеобщая бедность — как норма существования по всей стране. Она никак не нервировала, отсутствовало противостояние, контраст: богатые воры и бедные полицейские.

Когда женился — со мной это случилось на втором курсе, на третьем я уже был отцом, — работал по вечерам и по ночам. Зарплата жены и моя... Мы просто нормально жили, не только поесть хватало, но и одеться.

— Считаете ли вы себя состоявшейся личностью?

— Нет, не считаю. Думаю, что

ленная и в то же время насыщенная делами. Мы на втором курсе составили подпольную партию, якобы истинно коммунистического направления. Считали, что так называемые официальные коммунисты — политические разбойники, а вот мы настоящие, чистые коммунисты. У нас прошло два съезда. Причем учредительный съезд устроили в «Ладье», пивном баре на углу Столешникова переулка и Пушкинской улицы. Настолько мы были чудные ребята, что спокойно выступали, вели протокол. История продолжалась, пока нами не заинтересовались компетентные органы. На огромное счастье, одним из представителей этих органов был отец моего близкого друга. Он по-товарищески нас предупредил. Я сказал друзьям: немедленно сворачивайте деятельность, это не то, ради чего можно идти на эшафот.

— На каких книгах вы росли?

— В детстве я очень любил сказки. И, насколько помню, меня донимала мысль: как это прекрас-

меня одолевали весьма деловые, практические, то есть без малого прохиндейские настроения. Была мечта: устроиться чиновником, чтобы послать в какую-нибудь Африку — в то время все помешались на «африках», — накопить там на автомобиль, привезти оттуда все, что полагается нормальному белому человеку. Таков предел мечтаний в те годы. Но после института я пошел в школу. Из группы в двадцать человек всего трое нас устроились учителями. Остальные, вроде меня мечтавшие о чиновничьей жизни, приобрели-таки ее.

Молодость — это искусство совмещать приятное с полезным, то есть этап подготовки себя к зрелости, когда начинается настоящая жизнь, настоящая работа, и одновременно важно не потерять это прекрасное время, ухватить свое в эти годы. Мне, по-моему, удалось. И ухватил больше чем достаточно, и что-то старался делать на будущее. К тому времени, когда внешняя жизнь потеряла всяческую при-

«НЕДЕЛЯ» № 21 (1625). 1991 г. е 10-11

Беседовала Алла ПЕРЕВАЛОВА.